

Андрей Евдокимов

Введение в трагическую эпистемологию

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
A65

A65 **Андрей Евдокимов**
Введение в трагическую эпистемологию / Андрей Евдокимов – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2023. – 52 с. (Серия «Джомолунгма мысли / Эверест породы»).

ISBN 978-5-8850-7397-4

В монографии рассматриваются трагедии фундаментальных и прикладных проблем философской теории познания (эпистемологии), затронутых в работах выдающихся философов: Ф. Ницше, П. Фейерабенда, Л. Витгенштейна и других, а также авторские новации «русского философа», юриста и переводчика, кандидата юридических наук Андрея Юрьевича Евдокимова. Монография адресована профессиональным философам, преподавателям, аспирантам и студентам философских специальностей, а также всем, кто интересуется проблемами современной философии. Р е ц е н з е н т – Александр Владиленович Арапов, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Филиал в г. Воронеже)

ISBN 978-5-8850-7397-4

© Lennex Corp, 2023
© Андрей Евдокимов, 2023

Введение в трагическую эпистемологию

Ante legere statuto ignis ad¹

П р е д и с л о в и е

В этой небольшой, но трагичной книге мы постараемся ввести читателя в «прекрасный и яростный мир» трагических противоречий философской теории познания. Причем *ввести*, хотелось бы думать, должно означать не только *подвести к*, но и *перевести через* эти противоречия. Не только показать пропасть, но и перебросить канат.

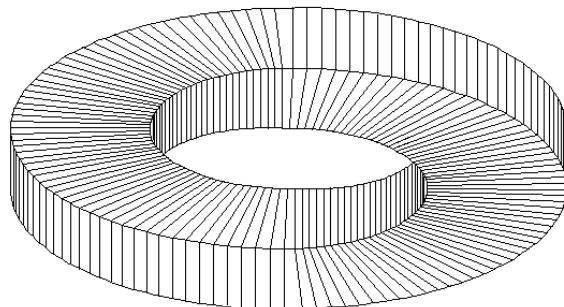
Мы живем в постнеклассическом, *постсовременном* мире, где т.н. нормальная наука, поучающая как ей правильно следовать и описывающая череду успехов, открытий и прогресса в ее собственной истории, становится неинтересной потребителю науки уже на скамье средней школы. Не исключено и даже весьма вероятно, что никаких серьезных изменений в структуре и процессах общества (и производства) за эпохой «пост» уже не последует, а значит, жизнь в таком мире предстоит долгая. Но какая же наука тогда способна волновать умы? – Экстраординарная, кризисная, проблемная. Вот почему не прекращается *кризис* не только в теории познания, но и в литературе, изобразительном искусстве, даже в мировой экономике и многое где еще. Вот почему всё больше разрабатывается и пользуется популярностью преподавание учебных курсов, посвященных различным проблемам. Например, «Проблемы теории государства и права». Вот почему продолжается погоня за т.н. научной новизной, погоня, в которой расцветают междисциплинарные исследования и «пограничные» области науки, но заметно слабеет (не во всех науках) исследование «ядра», основного предмета той или иной научной отрасли. Заметьте, однако, что я не собираюсь возносить один из этих принципиальных типов науки за счет другого. Но вместе с тем все мы уже в эпохе «пост», поэтому мы уже обречены сообразовываться с постсовременной наукой. Именно *такой* эпистемология предстанет ниже. Где каждая ее проблема – это не просто

---

¹ Перед прочтением подожги (лат.)

противоречие, но трагедия. Где кризис грозен – тем, что выход из него может не найтись, а потому он может обернуться «концом истории», смертью науки, отказом, например, части научного сообщества от философской теории познания как таковой. Где противоречие – это еще и личная трагедия ученого, занимающегося им и вынужденного делать свой выбор, или неспособного найти выход, решить проблему, преодолеть противоречие, или способного – выбрать смерть. Да, смерть.

23 июня 2012 г.

Неоднозначное кольцо. © Дональд Е. Симанек, 1996.

Пролог.

Первые трагедии: непознаваемость метода познания, предмет-метод познания как целое и необходимость иррационального

0. Общий подход. Поздние работы Людвига Витгенштейна («Философские исследования»): задача прояснения смыслов обыденного словоупотребления.

1. Не следует противопоставлять предмет и метод познания. Предмет-метод как единство.

1.1. Негативное объяснение: их разделение обусловлено фундаментальной структурной семантикой («что?» и «как?» – именная и глагольная основа языков) и вызывает неразрешимые противоречия во внешних отношениях:

1.1.1. Непознаваемость (научная трансцендентальность) метода. Метод должен входить в предмет познания какой-либо науки. Однако – чтобы познать эту часть своего предмета такой науке понадобился бы другой метод, а для познания другого – третий... Получается логическая бесконечность. Таким образом, чтобы выйти из логического тупика – и познать основной метод, надо заранее (трансцендентально, «через откровение») узнать вспомогательный метод – задача, для науки невыполнимая. Следовательно, надо заключить, что метод в предмет познания входить не может и поэтому непознаваем. Порвать логическую связь и сделать из предпосылок требующийся вывод нам помогло бы иррациональное начало, но право использовать его и установить новый тип связи мог бы дать только нелогический метод, но метода на момент такого рассуждения еще нет и, поэтому, никогда не будет.

1.1.2. Инцентентальность (неопределенность) предмета. Как появляется (определяется) предмет? –

Напрямую: 1) оstenсивно, т.е. указанием: эта единичная *вещь* – предмет нашего познания (однако применение ограничено); 2) дескриптивно, т.е. путем описания свойств, функций, элементов предмета.

Косвенно: 1) способом исключения (то, что не x , y , z), когда уже достаточно определены остальные предметы; 2) указанием границ предмета (от «а» до «г», с 7.00 до 9.00).

Таким образом, без некоторого метода невозможно было бы определить предмет, он остался бы неявленным для познающего сознания. Причем метод здесь, как всегда, имеет иррациональный элемент: всегда существующие границы (пределы) предмета признаются несуществующими или несущественными (подробнее о границах см. 2.2 – 2.3).

1.2. Позитивное объяснение: в чем состоит действительное единство предмета-метода (внутренняя сторона):

1.2.1. Метод как связь посылок и вывода, которая не может быть охарактеризована без сущностных особенностей посылок и вывода. Метод не прием формальной логики – для него, прежде всего, важно содержание посылок, чтобы обосновать применение иррационального начала (так называемого индуктивного скачка и т.п.) для получения вывода. Таким образом, содержание реального метода смещено в область содержания предмета.

1.2.2. Определить предмет возможно – см. 1.1.2.

2. Границы предмета-метода как его иррациональный элемент.

2.1. Типологии границ нет. Все случаи сводимы к границе предмета (x) и не-предмета ($ne-x$).

2.2. Граница в глубину (предел анализа предмета: существует граница элементаризации свойств при дескриптивном определении предмета). Ситуация, когда свойство столь элементарно, что о нем нельзя ничего сказать, кроме него самого. Тогда уже нет того общего, что позволяет в определении ставить рядом два свойства. В таком случае очевидно, что свойства стоят рядом благодаря иррациональному началу: волевому решению или обыкновению практики употребления.

Иллюстрация к 2.2:

В соответствии с ответами на основной вопрос философии в двух его аспектах (Ф. Энгельс, «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии») в истории эволюции и циркуляции философских учений выстраивается следующий порядок смены четырех основных парадигм (ответов, даваемых в обоих аспектах основного вопроса философии): объективный идеализм – объективный материализм – субъективный материализм – субъективный идеализм (1). Данный порядок обусловлен поочередным доминированием одной из четырех протопарадигм (ответов, даваемых в одном аспекте основного вопроса), объединяющих по две парадигмы каждая (т.е., например, протопарадигма идеализма входит в парадигмы объективного идеализма и субъективного идеализма). Протопарадигмы доминируют (циркулируют) в следующем замкнутом порядке: объективизм – материализм – субъективизм – идеализм (2)². Как *сущностно* обусловлен этот последний (2) порядок? Что объединяет протопарадигмы как элементарные свойства (а это уже не отношение сознания и бытия, как в самом основном вопросе) и позволяет историкам философии³ располагать их в таком порядке? Содержательно – ничто.

---

² Подробнее об этом см.: Евдокимов А. Ю. Парадигмы сознания, постмодернизм, личность, свобода // Общество и право. 2008. № 1. С. 290-291; также опубликована в СПС «Консультант-плюс».

³ Впервые можно обнаружить у Виктора Кузена. Говоря в его франкоязычных категориях: сенсуализм, идеализм, скептицизм, мистицизм, в соединении же их – эклектизм. См., например, его учебник: *Victor Cousin. Histoire générale de la philosophie.* – Librairie académique. Paris, 1863. Pp. 2 – 35 (на портале www.gallica.bnf.fr). Вообще – такая концепция свойственна для циркуляционной, в частности четырехчленной, диалектики (например, см. подход Б. Н. Чичерина) и не свойственна для эволюционной (трехчленной) диалектики, например, Г. В. Ф. Гегеля или У. У. Ростоу. Так, Б. Н. Чичерин писал: «четыре начала соответствуют четырем основным определениям разума: причине производящей, причине формальной, причине материальной и причине конечной. К этим началам сводится всякое понимание, как относительного, так и абсолютного бытия. Вытекая из самых законов разума, они одинаково прилагаются ко всему познаваемому».

Позволяют исторические данные, но это формальное основание. Нет того свойства, которое позволяет ставить друг за другом протопарадигмы, т.е.

Отсюда рождаются систематические миросозерцания, которые можно обозначить названиями *натурализма, спиритуализма, материализма и идеализма*, смотря по тому, которое из этих четырех начал является в нем преобладающим. А так как законы разума суть вместе и законы внешнего мира, то они выражают собою истинную сущность вещей.

Исходя из единого источника, совокупность этих начал образует полный цикл, состоящий из двух перекрещающихся противоположностей. Поэтому, отправляясь от одного начала, ум, в силу внутренней логической необходимости, неизбежно переходит и к другим, пока не завершится круговорот. И это повторяется на всех ступенях развития, вследствие чего каждая отдельная ступень представляет всю полноту основных начал бытия. Это мы можем видеть, как в развитии религий, так и в развитии философии.

Но порядок движения может быть разный, смотря по тому, которое из четырех начал служит исходной точкой. Так как полный цикл образует две перекрещающиеся противоположности, то главная нить движения может идти либо от причины производящей, через причины формальную и материальную, к причине конечной, и обратно, либо от причины материальной, через причины производящую и конечную, к причине формальной, и обратно. Когда разум начинает от себя, он идет первым путем, от начала к концу; поэтому, этот путь можно назвать субъективным. Когда же он исходит от объекта, он идет вторым путем, который поэтому можно назвать объективным. Мы видели, что совокупное развитие человечества идет от первоначального единства, через две посредствующие противоположности, к единству конечному. Следовательно, это путь субъективный, выражаящий развитие духа изнутри себя. Но на первой ступени человеческий ум еще себя не сознает, а погружен в объективное бытие. Поэтому здесь развитие религиозного сознания идет объективным путем, в первобытных религиях от причины материальной к причине формальной, в религиях философских обратно, от причины формальной к причине материальной». —

Четыре протопарадигмы философии у Б. Н. Чичерина восходят к авторитетнейшим «четырем первоначалам», идущим от Аристотеля, однако дальнейших рассуждений о том, как протопарадигмы сменяют друг друга, у Аристотеля безусловно не было. Чего нельзя сказать о концепции «объяснения-и-понимания» Г. Х. фон Вригта, которая органично связана с подходом Аристотеля к первоначалам, тогда как для Б. Н. Чичерина этот авторитет служит своего рода «информационным поводом», от которого можно оттолкнуться, пускаясь в свои собственные, концептуально самостоятельные построения.

содержательно определяет переход от одной из них к другой. Историки ставят их так, а не иначе, своим волевым решением, которое укрепляется всё новыми фактами из истории и гипотезами *ad hoc*⁴.

2.2.1. Явление «семьи» предметов (Л. Витгенштейн): общего свойства нет (например, «игра»). Возможность образования семьи не только через обыкновение в словоупотреблении, но и, в отличие от концепции Витгенштейна, волевым решением (и то, и другое иррационально).

2.3. Граница в ширину (с другими предметами).

2.3.1. Материалистическая критика границ: 1) частицы и вакуум – невозможность границ; 2) подвижность материи, пространства и времени.

2.3.2. Идеалистическая критика границ:

2.3.2.1. Невозможность увидеть (назвать) границу – можно назвать предметы, но не то, что находится между ними (т.е. не является предметом).

2.3.2.2. Критика чистой идентификации: невозможность полно соотнести (приравнять) дескрипцию (свойства) с реальными (единичными) явлениями.

2.3.2.2.1. Трагическая эпистемология может в отдельных исследованиях проследить соотношение «мира» реальности, «мира» идей (смысла) и «мира» знаков (словесного и другого знакового выражения) в истории философской мысли и столкнуть лбами различные подходы, например, как мне бы хотелось, следующих философов:

(1) Г. Гегель, Э. Гуссерль – феноменология (три параллельных «мира»);

(2) К. Маркс, Ф. Энгельс – теория отражения (сознание и бытие);

(3) Ж. Делёз (у его интерпретаторов и сам по себе) – реальность и знаки выражения, а между ними тончайшая мембрана смысла, невыразимая в знаках, но необходимая для того, чтобы знаки соответствовали реальности;

(4) А. С. Кравец – «Второе дыхание» герменевтики // Современные проблемы познания в социально-гуманитарных и естественных науках:

---

⁴ Подробно о гипотезах *ad hoc* («по случаю») см., например: *Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. С. 473.*

материалы Всероссийской научной конференции, 13 – 14 октября 2009 года.

– Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2010. – С. 11–136;

(5) Е. Н. Ищенко – концепция докторской диссертации на тему «Современная эпистемология в контексте гуманитарного познания» (2005);

(6) Л. Витгенштейн-2 (в «Философских исследованиях») – слитность (неразделимость) всех трех «миров». –

Есть классический общий тезис: принципиальная адекватность отражения единиц одного «мира» средствами (единицами) двух других. На самом деле адекватность обнаруживается не всегда. Встречается отсутствие, нехватка средств, их избыток, их концептуальная несопоставимость, несоизмеримость и т.д. Отсюда берут начало радикальные подходы:

(7) некоторые религиозные вероучения, конфессии и секты (например, А. Кроули) – концепция «перпендикулярного мира» в Школе социологии (А. Часовски); общий тезис: принципиальная неадекватность отражения.

(8) Какое может быть компромиссное решение? – Три мира представляют собой диспропорциональный, неравносторонний треугольник (рис. 1). Длина одной стороны треугольника отражает сумму (объем) средств (единиц) каждого из миров: самая короткая сторона – у мира смысла (идей), самая длинная – у мира реальности, средняя же – у мира знаков, несмотря на обилие искусственных и естественных, живых и исторических языков. Углы между сторонами, естественно, тоже разные, что призвано отразить аспект концептуальной несопоставимости единиц одного мира с единицами двух других, при этом с учетом названных длин сторон мир реальности и мир знаков наиболее сопоставимы, т.е. ближе к параллельности друг другу, мир смысла и мир знаков наименее сопоставимы, т.е. ближе к перпендикулярности, а мир смысла и мир реальности сопоставимы средне. Осознание данных степеней сопоставимости открывает большие горизонты для дальнейшего философского истолкования. Например, развеивается иллюзия о том, что единицы мира смысла можно адекватно выразить словами, не прибегая к реальности, к эмпирическим данным и т.п. Такое

чистое выражение единиц смысла на поверхку должно оказываться пустословием. Отсюда можно проследить и проблемы, не теряющие актуальность после их разработки Фридрихом Ницше: нигилизм, пессимизм, обесценивание всех ценностей при исключительно словесном (непрактическом) философствовании, постижении и критике смыслов. Ницшеанство здесь может сталкиваться с марксизмом и т.п. Вообще, различные философские подходы обретают для себя в описанном треугольнике поле боя.

Рис. 1.

Выглядит это решение как некоторое «новое пифагорейство», но работает. Достаточно ли того, что оно работает? Для марксизма – да, для Ницше – нет. Однако, действительно, в советское время было бы в определенном смысле проще, поскольку достаточно было опереться на одну-единственную официально признанную (можно даже сказать – по праву, государственную) философию марксизма, тогда как ныне ничего не достаточно. На сколько философий ни обопрись. И какое решение ни предложи...

(9) Отдельной статьей достойны рассмотрения философы, а также культурологи и искусствоведы⁵, развивавшие концепцию «симулякра», симуляционный подход:

---

⁵ Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интранда, 1998. С. 189 – 190: концепция Мелроуз:

«Симулякр; «совращение» как свойство всякого дискурса. Логика рассуждений Мелроуз в книге «Семиотика драматического текста» (1994) во многом порождена современными представлениями о функционировании современного мира как мира «симулякров» – фантомов сознания, кажимостей – идея, наиболее авторитетно разработанная Жаном Бодрийяром. А. Гараджа пишет о концепции Бодрийяра: «Современный мир состоит из моделей и симулякров, не обладающих никакими референтами, не основанных ни в какой «реальности», кроме их собственной, которая представляет собой мир самореферентных знаков. Симуляция, выдавая отсутствие за присутствие, одновременно смешивает всякое различие реального и воображаемого... Признавая симуляцию бессмысленной, Бодрийяр в то же время утверждает, что в этой бессмыслице есть и «очарованная» форма: «снобизм», или «совращение». Совращение проходит три исторические фазы: ритуальную (церемония), эстетическую (совращение как стратегия соблазнителя) и политическую. Согласно Бодрийяру, совращение присуще всякому дискурсу и всему миру». Эти мысли о симулядрах и том эстетическом совращении (снобизме), которые они вызывают, и легли в основу рассуждений Мелроуз о роли современного театра: «Если то, к чему мы сейчас привыкли, это разграничение между более эффективными и менее эффективными симулярами, то тогда роль театра уже не в том, чтобы эффективно воспроизводить («репрезентировать» по терминологии Мелроуз – И. И.) «реальность там вовне», но скорее жизненно-убедительную «реальность здесь внутри», чей статус реального и возникает как раз из вложенной в нее концентрированной и управляемой человеческой энергии. Эта энергия порождается условиями самого живого перформанса, и она все время как бы парит – то, что недоступно для находящегося под постоянным контролем редакторов и технического опосредованного телевидения, – на грани между своей силой, концентрирующей на себе пристальное внимание зрителей, и собственной хрупкостью. Именно эта комбинация контролируемой энергии, застигнутая в самый момент своего случайного появления, и делает театр столь опасно приятным для некоторых из нас. Он выявляет нечто вроде мгновенно возникающего ощущения веры даже не столько в художественный вымысел, сколько в человеческое мастерство и артистизм».

Вера как модальность утверждения. Само понятие «веры» в данном случае (его можно бы также перевести и как «верование», «уверование», «акт доверия») Мелроуз заимствует у Мишеля де Серто: «Под «верованием» я имею в виду не то, во что мне верится (догма, программа и т. д.), но инвеституру (т.е. вложение во что-то психической энергии. – И. И.) субъектов в утверждение акта высказывания с убеждением в его